Interpone tuis interdum gaudia curis

СУББОТНИК НГ

НОЯБРЬ – 2000

Еженедельное приложение к «НГ» № 42 (42), 25 ноября 2000 г. Выходит с января 2000 г.

● ОТКУДА ПОЯВИЛАСЬ ЗНАМЕНИТАЯ «ЭМКА»? стр. 11

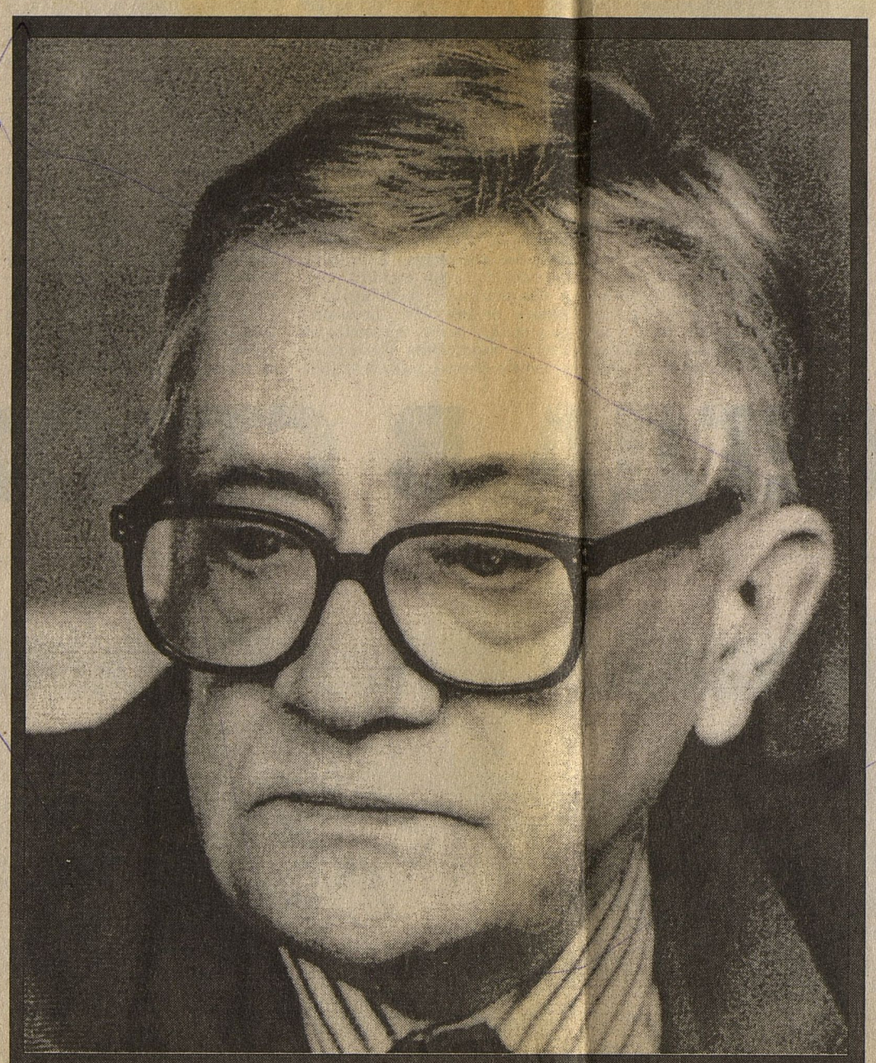
ТВ ИМПЕРИЯ ПОД ДВОЙНЫМ УДАРОМ стр. 12

ТВ ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ стр. 13

● ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА «НГ» стр. 15

● АФИШНАЯ ТУМБА стр. 16

Независимая газета – 2000 – 25 ноября – с. 9



«Я – ХРИСТИАНСКИЙ АНАРХИСТ: МНЕ БУДЕТ НЕУДОБНО ПРИ САМОЙ ИДЕАЛЬНОЙ ВЛАСТИ...»

27 ноября исполнилось бы 70 лет писателю ВЛАДИМИРУ МАКСИМОВУ

Александр Щуплов

С Владимиром Максимовым мы встретились в рождественские дни 1994 года в Варшаве на конференции «Новые явления в восточнославянских литературах в 80-х гг. XX в.» Ночь напролет просидели в мансарде Российского центра науки и культуры. В те годы писатель вызывал у многих удивление, восхищение, неприятие, неприязнь, и хотелось поставить все точки над «i» в разговорах и злословиях вокруг его загадочной и противоречивой фигуры. Так и родилось это интервью, эпиграфом к которому можно поставить знаменитые строки Мандельштама:

А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заесть ореховым пирогом...
Да, видно, нельзя никак.

– ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНОВИЧ, наступающий 1995 год – Год Черной свиньи. Как вы полагаете, ожидает ли Россию какое-нибудь очередное свинство? Хотя, с другой стороны, свинья – российская кормилица...

– Русская свинья, так сказать, многолетнего производства: из года в год почему-то все больше растет. В новом году, думаю, еще сильно подрастет. Мне кажется, ничего хорошего ждать не приходится. В конце концов свинья не выполнит свою функциональную миссию: нас не накормит. Самое страшное, что страна уже не только не стоит, но лежит. Как ее поднять? Можно придумать различного рода экономические, идеологические, культурологические концепции... Где она, та панацея, то средство, которое сможет помочь нам подняться? Я его не вижу. Поэтому не думаю, что Год Свиньи обещает что-то хорошее в этом смысле.

– Наша беседа проходит в рождественские дни. Неужели она будет донельзя безысходной? Не жду от Максимова рецепта – и все-таки, как вы думаете, в каком направлении стоит идти, чтобы выйти на свет?

– Если бы я знал... В этом и вся суть: нет и не вижу ни в ком и вокруг себя Моисея, который бы знал, куда нам идти.

– На кого из политиков вы делаете ставку?

– Есть много вполне достойных, масштабных людей. Впрочем, назовешь одного, а в ответ: «Это не тот»... Мне, например, очень симпатичны такие фигуры как Святослав Федоров, Григорий Явлинский... У них есть хоть какие-то концепции, предложения. Я не знаю, насколько они перспективны, но они – есть, они – выработаны. В ответ мне опять говорят: «Это – не то...»

Короля делает свита. Надо делать Личность. Надо создавать общенациональную фигуру, которая более или менее подошла бы всем и вокруг которой могли бы сгруппироваться перспективные идеи. Но главное, самое важное – ни в коем случае не позволить осуществиться примитивной, коварной идее – отменить выборы. Выборы есть гигиена демократии. Пусть выберут еще хуже – не важно! Важно, чтобы были выборы. Мне порой задают вопрос: «Когда в России будет демократия?» Демократия будет тогда, когда власть имущие научатся отказываться от власти и наконец-то привыкнут к мысли, что надо уйти. Придут другие – а вы через четыре года поборитесь еще раз за власть... Народ сам должен – ошибаясь множество раз – выработать для себя оптимальный вариант исполнительной власти. Идейка же отменить выборы ради того-то, того-то и того-то приведет нас в ту же самую ловушку, только, мне кажется, в еще более худшую.

– Вот так выберет народ какого-нибудь любимца с диктаторскими замашками, а там выборы не то что через 4 – через 74 года не состоятся. Или опять придет стопроцентный «одобрямс».

– Я всю жизнь на Западе считался крайним антикоммунистом и в самом деле считал, что хуже этого ничего быть не может. Но сейчас, глядя на то, что происходит (не только в России, но и во всем посткоммунистическом мире), я думаю, что может создаться ситуация худшая. Я называю эту ситуация «криминальным капитализмом»...

– ...И поэтому стали печатать свои статьи в «Правде»?

– Не только поэтому: выбор становится все ограниченнее. В 90-х годах я мог печатать что угодно и где угодно. Просили, звонили... А теперь предлагаю – отказываются, предлагаю – отказываются...

– И демократическая пресса?

– И демократическая пресса отказывается. «Правда» же мне предложила регулярно выступать на ее страницах. И я этим соблазнился. Я выступаю с антикоммунистических позиций...

– ...В коммунистическом издании! Гоголевская ситуация!

– Согласен – гоголевская. Понимаете, когда коммунисты в оппозиции – они самые главные демократы.

– Это импровизация или заранее заготовили?

– Импровизирую!.. Вспомните Ленина. А вот как только они приходят к власти, выявляется другое. Так что я пользуюсь трибуной. Я отвечаю за свои слова. Я знаю, что каждые десять дней я скажу то, что я хочу сказать. Это очень важно.

У меня были хорошие отношения с крупным итальянским политическим деятелем Джулио Андреотти. Это очень видный историк, прекрасный писатель. Будучи главой правительства и – неоднократно – министром иностранных дел, главой партии, он тем не менее в течение сорока лет еженедельно выступал с колонкой в журнале «Европео». Как-то в разговоре с ним я говорил о том, как мало эффекта приносит мой журнал. – Вы не правы, – сказал мне он.– Это должно быть регулярно. Я знаю: как бы я ни был занят, каждую неделю какое-то число итальянцев ждет моего выступления. Вы увидите, как с годами это скажется на вас, на вашем отношении к стране и читателю – и на отношении страны и читателя – к вам...

Сейчас у меня вышло собрание сочинений, идут в театрах мои пьесы... Но обратной связи я не чувствую. Впервые обратную связь я почувствовал лишь после того, как стал регулярно, каждые десять дней, выступать в газете. Но если мне предложила бы любая другая газета выступать на своих страницах, я сделал бы то же самое с такой же охотой.

– Обратная связь – слишком тонкое, неуловимое, я бы сказал, интимное явление. Кстати, то, что ваши статьи сейчас возвращают газеты демократического направления, – это тоже обратная связь!

– Я хотел бы услышать, что думают о моих книгах люди, которые их читают. Некоторые говорят: «Они (то есть мы) сидели-сидели у себя на Западе»... Как будто я сидел сложа руки и выехал из России с большим удовольствием. Я все-таки что-то делал эти 20 лет и заработал, согласитесь, моральное право выступать и говорить о своей стране. Критики о своих книгах я не слышу почти никакой. Почти никакой! Эпизодически кто-то где-то что-то скажет, но оценки тому, что я сделал за 40 лет работы в литературе, не слышно. Это часто оценки политические, общественные...

– Так вы сами вызываете такого рода критику.

– Вызываю, несомненно, вы правы. Я провоцирую своими выступлениями на это. Вы сами знаете, теперь у нас все больше политические даются оценки, а не эстетические.

– В России всегда политическое превалировало над эстетическим: один пример с романом Чернышевского (настольной книгой Ильича!) чего стоит!

– Рассуждают так: если ты нам близок, то ты и писатель хороший. Еще вчера – образно говоря – «деревенские» писатели были эталоном нашей литературы. Теперь, оказывается, они писатели плохие, дутые величины. А я так не считаю. Я считаю, что это было действительно замечательное направление в нашей литературе...

Повторяю, нынешняя критика зависит от политической позиции писателя. Против меня начинают выступать даже мои друзья, которые всегда высоко оценивали мои книги в литературном плане. И все это – только потому, что я не разделяю их общественных воззрений. Вы меня спрашиваете, какую обратную связь я хотел бы видеть? Отвечаю: я хотел бы видеть объективную оценку своего творчества. Даже такая устоявшаяся в России культура, как письма, уже закончилась.

– Здесь все упреки – Минсвязи!

– Мне рассказывал Дудинцев, какое огромное количество писем он получал в начале перестройки. То же самое было у Рыбакова... Было принято писать в журналы письма. Теперь не пишут. Два-три письма придет на роман. Это зависит от многих причин. Мы со своими публикациями якобы невостребованной литературы попали в период, когда людям, к сожалению, стало не до литературы. Во всяком случае, так называемому «широкому читателю». Читатель, он остался. Читатель, который любит литературу, – вечный. Он есть, он следит за тобой. Но автор книг его не чувствует. А за газетными публикациями он виден. Мне звонят довольно уважаемые люди, пишут письма, приглашают... Из редакций передают мне письма читателей. Я понимаю, что моя общественная позиция трогает только определенный слой людей. Но я все-таки почувствовал этот слой! И эта поддержка для меня на старости лет очень важна.

– Хочу задать вам вопрос, который наверняка волнует читателей ваших книг и статей, сотоварищей и недругов ваших взглядов... Помните, Остап Бендер, агитируя в свой «Союз Меча и Орала», задавал сакраментальный вопрос: «Ваше политическое кредо?» Так вот, кто вы, писатель Владимир Максимов, печатающий антикоммунистические статьи в коммунистической «Правде», по своим политическим взглядам?

– Когда-то одна норвежская газета, по-моему, очень точно определила мои убеждения: христианский анархист.

– Кажется, это два «далековатых понятия» (если вспомнить формулу Ломоносова), на стыке которых должна рождаться поэзия.

– Вспомните историю первых христиан. Это и были христианские анархисты. Они не принимали власти как таковой. Формально – «кесарево – кесареву»... Но они никогда не принимали никакой власти. Мне, наверное, будет неудобно при самой идеальной власти. Во мне есть какой-то комплекс: вообще не переношу проявление власти во всех видах. Даже в человеческих взаимоотношениях. Кто-то хорошо сказал о том, почему из таких людей, как я, не могут получаться руководители: чтобы уметь руководить, надо уметь подчиняться... Я подчиняться не умею!

– Но журналом-то «Континент» вы руководили.

– Это было личное дело: я был хозяином. У меня не было начальников. Только поэтому! Все держалось на мне да на жене. Те люди, которые числились у меня в журнале, ничего не делали. Я не могу заставить человека работать или приказать ему что-либо. Я могу только попросить. А попросить нашего человека, вы знаете,– это все равно что не просить.

Руководить – довольно сложное занятие. И, наверное, в этом есть истина. Кажется, кто-то из Габсбургов сказал: сначала надо научиться подчиняться... Смотрите, у меня постоянно было какое-то отстранение от власти. Был Горбачев – я был против. Теперь, когда от него ничего не зависит – мы в довольно хороших и близких отношениях. В моем «Карантине» есть один монолог, который считаю своим кредо: всегда – с побежденными, никогда – с победителями!

– Здесь вы существуете в русле русской традиции: быть с маленьким человеком.

– Это миф о русской литературе. Вся мировая литература – о маленьком человеке. Сейчас – особенно в модернистской литературе – стало модным говорить: «Ах, эта наша проклятая литература «маленького человека»... Она ко всему и привела Россию...» А если вспомнить, то литература «маленького человека» – это от Сервантеса до Бальзака.

Второй миф: литература в России всегда, мол, претендовала на большее... Вся мировая литература всегда претендовала на большее. Вспомните: Гюго в конце жизни всерьез обсуждал проблему переименования Парижа в город «Гюго». Он был политиком, сенатором, пророком, к нему прислушивались все правительства... Сартр был самым высоким политическим авторитетом до конца жизни. Литературой занимаются и политики: Помпиду, например, литературовед. Кстати сказать, Миттеран, говорят, прекрасный стилист. А де Голлю даже предлагали членство во французской Академии, на что он со свойственной ему скромностью отвечал: «Франция не может быть принята во французскую Академию»...

У нас тоже сейчас пишут все. Если бы только то, что пишут, стоило бумаги, на которой написано!.. Все бросились во все тяжкие. Все пишут. Все – писатели! Какая-то катастрофа: правительство графоманов. У каждого из них – собрание сочинений.

– Вернемся к писателю Максимову: над чем он сейчас работает? Или отдался целиком газете?

– В изящной словесности я сейчас занялся исключительно драматургией. У меня пошли пьесы. В Польше должна вот-вот пройти премьера на ТВ. Идут пьесы в Словакии, во Франции...

– На российском ТВ ничего не ожидается?

– Нет, ничего.

– Что вас так не жалуют? Из-за статей?

– Я стараюсь не гадать. Какую бы причину ни высказал, решат: объясняет свои неудачи политической позицией... Зачем? Хочу сейчас посмотреть опять-таки на обратную связь: если будет какой-то отзвук, это меня подвигнет на продолжение работы. Замыслы у меня в драматургии есть.

– Какой может быть отзвук в драматургии? Зрители приходят, смотрят и уходят...

– В пьесах – отдача сразу. Я сразу вижу результат. Это довольно мальчишеское отношение к делу. Так нельзя. Почему тебе нужен сразу, видите ли, результат? В конечном счете ты должен рассчитывать на вечность – если у тебя большие амбиции. В свое время хорошо об этом писал Булгаков, который очень любил театр, жил в самом театре, да и в нем самом жил театр: ты придумываешь себе волшебный фонарик, зажигаешь его, и там начинают ходить, говорить твои герои... Это доставляет мне удовольствие... Я пишу, знаете ли, с ненавистью: к бумаге отношусь как к врагу. В годы наших хороших отношений с Солженицыным он говорил мне, что любит писать (он, как и Толстой, – графоман в высоком смысле слова!), что снять трубку для него – мучение. Только писать! Сам процесс важен. Как Моруа писал поваренные книги, лекарственные рекомендации – когда ему было нечего делать. Лишь бы писать!..

Для меня процесс писания – мучение. А вот написание пьесы доставляет удовольствие.

– Стало быть, вы к созданию пьес пока относитесь как любитель. У профессионалов работа пахнет потом. Только любители ловят от работы кайф.

– Помнится, первая пьеса, которая осталась у меня в памяти, была «Синяя птица» Метерлинка во МХАТе. С тех пор это стало для меня театром: волшебный фонарь, в котором происходит чудо. И это чудо зависит от меня самого.

– Довольны ли вы своим собранием сочинений или внесли бы коррективы?

– Не кокетничая, скажу: ненавижу то, что я уже написал. Я не могу перечитывать свои книги. Это что-то клиническое, болезненное: не могу! Знаю писателей, которым нравится перечитывать себя, цитировать свои книги... Я, например, не выношу, когда при мне меня хвалят... Неудобно.

–А когда ругают?

– Бывает тоже неприятно. Но у меня есть особенность: когда меня ругают, я перечитываю себя и думаю: «Господи, что же это такое?! Что я наглаголил?» А когда меня хвалят, открою свою книгу: «Да вроде ничего!» Меня можно убедить в чем угодно! Можно убедить в том, что плохо написано. Я тут же поверю. Должен сказать абсолютно честно: я не верю в себя.

–Это говорит Максимов-писатель или Максимов-публицист?

– Это говорит Максимов-человек... У меня слишком много внутренних амбиций – сказать. Но поскольку я профессионал, я знаю, что мне удалось сказать, и вижу несоответствие между тем, что хотел сказать, и тем, что сказал. Хотел сказать много-много-много, а сказал какую-то ерунду и совсем не теми словами.

У меня есть две-три вещи, к которым я отношусь неплохо. Это части из романа «Семь дней» и неплохие страницы в «Колчаке». И главное, уверяю вас, я никогда не перечитываю свои книги. Никогда!

– А какие книги вы перечитываете?

– Таких книг несколько. Книга книг для меня – «Смерть Ивана Ильича». Я даже хотел бы написать что-то очень похожее, но это значило бы повторить Толстого в очень жалком виде. Из современников у меня есть несколько писателей, которых я могу постоянно перечитывать. Для меня любимое занятие – чтение. Более любимого у меня ничего нет. Могу читать все, что угодно и подряд. Могу до бесконечности перечитывать «Дядю Сандро из Чегема» Шукшина, «ГУЛАГ» – именно «ГУЛАГ»! – и «лагерную литературу» такого уровня. Беру с полки и начинаю читать с любой страницы. Люблю многие вещи Белова... А «Дядю Сандро...» почему-то более всего. Сразу вхожу в такую жизненную экзистенцию!.. Прочитал последнюю вещь Искандера «Человек и его окрестности» – в «Знамени» – это чудо! Вроде те же самые обстоятельства, люди, ресторан, Сухуми... А из всего этого вышел воздух, все краски... Как это передано – не знаю! Искандер удивительно изнутри чувствует саму экзистенцию того, что вокруг него происходит. Такое потрясающее фламандское ощущение жизни, вкус к жизни. Искандер однажды хорошо сказал (опасно для себя: он принадлежит к кругу наших так называемых либеральных писателей): «Да, все было плохо: застой, брежневщина, то, се... Но тогда я чувствовал жизнь, а сейчас – нет.»

– Что бы вы пожелали своим читателям в России?

– Я бы пожелал всем нам подняться. И осмотреться вокруг себя. Если мы не поднимемся и будем продолжать смотреть в землю... Плохо будет. Пусть на меня обрушатся опять наши большие либеральные мыслители, но мы – великий народ и заслуживаем лучшей участи... ■

Независимая газета – 2000 – 25 ноябр. – с. 9,10

ВСЕГДА В СТРОЮ

Константин Симонов и военная тема

Махмут Гареев

С Симонову Константину Михайловичу 28 ноября исполнилось бы 85 лет. В нашей стране было и есть немало замечательных поэтов и писателей, посвятивших свое творчество военной тематике. Правда, их становится все меньше. Не умаляя ничьих заслуг и без риска преувеличения значения созданного Симоновым, можно сказать, что его творчество в области военной тематики занимает особое место.

Константин Михайлович писал о военных делах не по обязанности, а по глубокой внутренней потребности и с юных лет до конца дней своих продолжал думать и писать о людских судьбах, связанных с войной и военной службой. Один из исследователей творчества Симонова Инна Вишневская справедливо отмечает: «И может быть, самое главное, что всплывает в памяти в связи с именем Симонова, – это случайность его штатской судьбы и особая закономерность его судьбы военной, постоянная готовность надеть военную форму, постоянное ощущение себя мобилизованным, призванным, не принадлежащим себе».

Константин Михайлович был одним из наиболее подготовленных в военном отношении писателем, глубоко знавшим военное дело, природу военного искусства, и особенно его морально-психологические аспекты. Все, что им написано о войне, как правило, отличается глубоким профессионализмом. Его биографы объясняют это тем, что он рос и воспитывался в семье кадрового офицера, в военной среде. Сам Константин Михайлович не раз говорил, что наша армия с молодых лет сделалась для него родным домом, а люди этой армии стали самыми близкими для его сердца людьми. Особенно тепло и проникновенно он писал о беспокойной армейской жизни, командирах и их семьях в поэме «Иван да Марья». Совсем еще молодым человеком Симонов участвовал в боевых действиях под Халхин-Голом. Непосредственно перед войной дважды учился на курсах военных корреспондентов при Военной академии имени М.В. Фрунзе и Военно-политической академии.

Все это, конечно, сыграло свою роль. Но особенно большое значение для постижения глубин военного дела имело то обстоятельство, что он необычайно много видел во время войны. Даже самые активные участники войны имели возможность видеть войну на том или ином участке или направлении. Причем, будучи в постоянном напряжении, поглощенные своими делами по подготовке и ведению боевых действий, они не всегда имели возможность вдумываться во внутренние переживания людей и глубоко по-человечески осмысливать все происходящее. Положение военного корреспондента, да еще такого активного, деятельного и наблюдательного, как Симонов, создавало в этом отношении весьма широкие возможности. Хорошо известно, подтверждено очевидцами и документально, что в июле 1941 г. он был под Могилевом, в частях 172-й стрелковой дивизии, которая вела тяжелые оборонительные бои и прорывалась из окружения. (Эти дни он считал самыми памятными за все время войны и завещал развеять свой прах именно в этих местах.)

Константин Симонов. Фото Бориса Кауфмана (НГ-фото)

Во время боев в Крыму он был в цепях контратакующих пехотинцев, участвовал в осевом походе подводной лодки. На далеком Севере вместе с разведчиками высаживается в тылу врага. Приходилось ему бывать и среди защитников Одессы, Сталинграда, в передовых частях: во время Курской битвы, Белорусской операции, в завершающих операциях по освобождению Чехословакии, Польши и взятию Берлина и во многих других местах, где происходили решающие события.

Симонов был одним из первых, кто начал после войны тщательное изучение трофейных документов немецко-фашистской армии. Им проведены длительные и обстоятельные беседы с маршалами Жуковым, Коневым и другими много воевавшими людьми. Немало, видимо, сделал для обогащения писателя конкретным опытом войны генерал армии Жадов, с которым он очень дружил. Огромное количество фактов и живых впечатлений о важнейших событиях войны получено из обширнейшей переписки. Симонов очень высоко ценил этот источник опыта и буквально в последние дни жизни вышел с предложением организовать сбор и хранение всех неопубликованных воспоминаний, рассказов и наиболее характерных писем участников войны...

После пребывания на фронте в первые дни войны Симонов в своих дневниках записал: «Эти две недели войны, которые были так не похожи на все, о чем мы думали раньше. Настолько не похожи, что мне казалось: я и сам уже теперь не такой, каким уезжал 24 июня из Москвы».

А таких дней было 1418, и, перебирая их в памяти, писатель переплавил в своих чувствах и мыслях увиденное и пережитое как им самим, так и тысячами участников войны. Он проделал гигантскую работу по изучению и глубокому осмысливанию опыта войны именно с этой точки зрения. Он не приукрашивал волну, ярко и образно показал ее суровый лик:

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И стольких наземь положила,
Что двадцать лет, и тридцать лет
Живым не верится, что живы...

Особенно яркое отображение это нашло в уникальных с точки зрения правдивого воспроизведения войны фронтовых записках «Разные дни войны». Читая такие глубоко проникновенные свидетельства, даже видавшие виды участники войны обогащают себя новыми наблюдениями и более глубоко осмысливают многие, казалось бы, хорошо известные события. Несмотря на давность времени, перед нами очень живо и как бы заново возникают суровые дни войны со всеми сложными и противоречивыми чувствами, которые мы не раз переживали, но никогда не смогли бы выразить так ярко и убедительно, как это сделал Симонов. Так описать бои времен Великой Отечественной войны мог лишь человек, который не только сам прошел все эти тяжелые испытания, но и обладает особой психологической наблюдательностью и редким даром образного воспроизведения человеческих мыслей и чувств, отличающим настоящего писателя от обычного, пусть даже очень вдумчивого и много видавшего человека.

Конечно, не все ему в равной степени хорошо удавалось, были и отдельные неудачи. Но главное, что им создано, что характеризует его творчество, останется навсегда и будет служить добрую службу народу нашему и его вооруженным силам. Этим главным в творчестве Константина Симонова было утверждение в литературе и в жизни идей защиты Отечества и глубокого понимания патриотического и воинского долга.

В «Живых и мертвых» старый рабочий Попков, сожалея, что не все у Красной армии есть, чему надо быть, говорит: «Да, я бы на самый крайний случай и эту квартиру отдал, в одной комнате прожил, я бы на восьмушке хлеба, на баланде, как в Гражданскую, жил, только бы у Красной армии все было...» Этот и подобные маленькие эпизоды как нельзя лучше передают настроение большинства советских людей, предопределившее их стойкость и мужество в годы войны.

Таких эпизодов было немало, и они заставляют каждый раз задуматься, при каких обстоятельствах, каким путем было достигнуто такое воспитание нашей армии

(Окончание на стр. 10)

Махмут Ахметович Гареев – генерал армии, доктор исторических наук.

Константин Симонов

25.11.00

СЛОВА И ВЕЩИ

ВСЕГДА В СТРОЮ

(Окончание. Начало на стр. 9)

и народа. Свой вклад в это дело внесли и наша литература, и искусство. Трудно переоценить, какое влияние на молодое поколение тех лет оказали произведения Серафимовича, Фурманова, Островского, Алексея Толстого, Шолохова, Фадеева, Гайдара и других выдающихся писателей. Под непосредственным влиянием этих замечательных писателей, поэтов, деятелей искусства воспитывался и складывался как писатель и Константин Симонов. Он всегда с теплотой отзывался об Аркадии Гайдаре. В их жизни и творчестве много общего. Гайдар погиб среди тех лучших наших людей, которые первыми приняли на себя удар врага и защищали Родину на самых передовых ее рубежах. И не случайно сегодня те, кого не устраивает наша победа в Великой Отечественной войне, пытаются опорочить этого замечательного писателя.

Симонов считал, что оказался в живых случайно и должен был остаться там, где полегли в первые дни войны лучшие наши солдаты. Вот в таких жизненных обстоятельствах происходило формирование Константина Симонова как военного писателя, которого на Западе часто называют «русским Хемингуэем».

ТВОРЧЕСТВО, СЛИТОЕ С ЖИЗНЬЮ НАРОДА И АРМИИ

Симонов живо откликался на все важнейшие события в жизни нашей страны и вооруженных сил. Сразу после гражданской войны в Испании появляется «Парень из нашего города». В сознании писателя не укладывается мысль о гибели в Испании Мате Залка (генерала Лукача) – антифашиста, бойца. В стихотворении «Генерал» Симонов скажет: *«Пока еще в небе испанском германские птицы видны, не верьте: ни письма, ни слухи о смерти его не верны»*.

Идет Великая Отечественная, а жизнь продолжается, работают театры, но нет ни одной пьесы о том главном, чем живут в этот период советские люди. Симонов буквально истязает себя, работая почти круглыми сутками, и в удивительно короткие сроки создает «Русские люди». Стихотворение «Жди меня» выразило сокровенные мысли миллионов людей о любви, преданности и вере в победу. Под впечатлением Сталинградского сражения появляется повесть «Дни и ночи». В послевоенные годы Симонов пишет, как он говорил, свой «главный» военный роман – трилогию «Живые и мертвые», где в убедительной художественной форме раскрываются глубинные истоки и «секреты» того, почему солдатами не рожаются и как нелегко происходит становление настоящих воинов.

Иногда Константина Михайловича обвиняли в некоторой поспешности и даже в авангардизме. Илья Сельвинский еще до войны говорил: «Симонов – это какой-то комбайн». Но литературная оперативность определялась стремлением жить одной жизнью с народом и его армией, быть не только писателем, но и активным участником происходящих событий. Есть писатели, которые до сих пор горделиво ждут, когда дистанция времени наберет нужные для них размеры и можно будет о всех делах войны судить более объективно и безошибочно. И может, со временем появятся произведения, которые еще более глубоко и убедительно воспроизведут события Великой Отечественной. Но жизнь не ждет. В той обстановке, в которой мы живем, остаются актуальными и, более того, становятся еще более сложными задачи обеспечения оборонной безопасности России. Конечно, и в прошлом в системе военной службы было много отжившего, от чего надо решительно отказываться. Новое геополитическое положение России, стремление строить демократическое правовое государство, экономическое положение требуют существенного пересмотра устоев и организации вооруженных сил.

Как раньше, так и теперь всякий честный писатель-патриот не может не понимать, что нельзя стоять в стороне от решения этих важнейших задач, связанных с безопасностью нашей Родины. В свете этого так называемый авангардизм Симонова может служить лишь хорошим примером. И вопрос этот не чисто литературный, а вопрос весьма значимый как в общественном, так и государственном отношении.

Но теперь, в наше смутное время, когда самые святые и незыблемые для нормального общества понятия, в том числе идея защиты Отечества, поставлены под сомнение, значительно труднее решать оборонные задачи, и вся работа по подготовке молодежи для службы в вооруженных силах должна быть более глубокой, аргументированной и убедительной.

И в этой важной и многообразной работе мы и в наше время не можем обойтись без новых Шолоховых, Фадеевых, Твардовских и Симоновых. Теперь, когда не стало Константина Михайловича, нам особо приходится дорожить каждым талантливым писателем, который обращается к военной тематике. Художественные произведения, правдиво отображающие становление солдата и офицера в боевой учебе в мирное время и в бою, постижение таинства военного искусства, иногда очень простого в теории, на словах, но чрезвычайно сложного в практическом исполнении, крайне нужны и сегодня, особенно для воинского воспитания молодых офицеров.

К патриотическому литературному делу желательно приобщать и молодых писателей. Известно, что Лев Толстой, создавший «Войну и мир», не был участником войны 1812 г. Короче говоря, и в этом деле не боги горшки обжигают. Вместе с тем продолжение богатых традиций литературы в области военной тематики требует симоновской самоотверженности, преданности, любви к этому делу и, конечно, глубокого постижения специфики военного дела.

Разработка военной тематики Симоновым отличается прежде всего тонким пониманием сложнейших проблем воинского воспитания. Наиболее полное воплощение это нашло в трилогии «Живые и мертвые» и особенно в книгах «Солдатами не рождаются» и «Последнее лето». Но «военная косточка» автора этих книг проглядывается и в «Товарищах по оружию», и в повести «Дни и ночи», и в уже упоминавшихся дневниках. Весьма характерен в этом отношении эпизод, связанный уже с первым посещением фронта в 1941 г., там же, под Могилевом. Известно, какая тяжелая атмосфера царила тогда на фронте. И в толще этих ошеломляющих событий, военных неудач, личного горя и тревоги каждого человека за судьбу своей Родины нетрудно было увидеть и беспорядки, и всевозможные неурядицы в действиях многих соединений и частей и в управлении войсками.

Услышал, например, журналист или писатель, что у кого-то из солдат в начале войны не было винтовки, сразу делаются обобщающие выводы: «В армии на троих была одна винтовка, воевали без оружия и т.д.» Но найти и разглядеть во всем этом сложном переплетении событий (не только в общем виде, а в конкретных людях и эпизодах) глубинные истоки того, что в морально-политическом и чисто военном плане предопределяло наши будущие победы, мог только очень талантливый писатель, хорошо понимающий, что нужно для победы над врагом и из чего она складывается.

Некоторые критики упрекали Симонова в том, что он в слишком мрачных красках нарисовал события 1941 г. Странно было бы как-то по-другому их изображать. Но внимательный читатель не может не заметить, что в нарисованных им картинах отступления и первых неудач нет и признаков безысходности. В умелых действиях 172-й дивизии, других соединений и частей, командиров типа Кутепова молодой писатель увидел и не уступающее фашистам воинское умение, и одно из важнейших слагаемых военных успехов – организованность и твердое управление людьми. Видимо, вообще не существует человека, который бы не понимал значения дисциплины и воинского порядка, когда речь идет об этом отвлеченно, в общей постановке. Но когда дело касается конкретной личности, испытывающей от этого неудобства и определенные лишения, нередко считается, что в данном случае можно было бы обойтись как-то иначе. Думаю, немало нашлось бы и штабных офицеров, прибывших «сверху», и корреспондентов, которые бы возмутились или по крайней мере обиделись, что с ними так грубо и бесцеремонно обращаются: задерживают, угрожают положить на землю и держат до рассвета, под конвоем доставляют в штаб. Но когда подобным образом поступили с Симоновым по прибытии на КП 172-й стрелковой дивизии, его все это даже порадовало. Он сразу почувствовал дисциплину, порядок, уверенность, понял — война идет далеко не так, как задумано противником, и есть многие другие предпосылки того, что в конечном счете мы одолеем врага. Такое тонкое понимание военной «изюминки», военного искусства мы видим во многих его произведениях.

Как показал опыт войны, для проявления подлинного военного искусства командирам всех степеней кроме глубоких военных знаний и патриотической убежденности необходимы еще развитое мышление, творческий подход к делу, умение быстро оценивать обстановку и глубоко ее анализировать, а также такие волевые и организаторские качества, как мужество, смелость, решительность, инициативность и самостоятельность, твердость и настойчивость в достижении цели. А от всего личного состава – высокие морально-боевые качества и воинское мастерство, огромная физическая выносливость. По мере развития военного дела необходимость всех этих качеств неуклонно возрастает, а условия их проявления все больше усложняются. Даже для обычного самообладания на поле боя требуется совершенно иной уровень напряжения духовных и физических сил, нежели это было в прошлых войнах. Поэтому приходится только удивляться лихости и наивности некоторых писателей, историков, политических деятелей и журналистов. Они изображают иногда дело таким образом: мол, любой гражданский человек может прийти во время войны в армию и запросто управлять войсками; самоуверенно задним числом втолковывают Жукову, Рокоссовскому и Коневу, как надо было воевать, а в мирное время поучают, как надо осуществлять военную реформу. И после этого еще позволяют себе говорить о «профессионализме». Симонов себе такого не позволял.

Особенно глубоко всю сложность военного искусства Симонов понял, изучая после войны оперативные документы и описания различных военных операций. Наиболее яркое и убедительное отражение это нашло в книге «Последнее лето». Этот роман скорее всего первое художественное произведение, отобразившее грандиозную и разнообразную работу, которая проводится по подготовке крупной наступательной операции. Вполне понятно, что корреспондент газеты во время войны не мог знать всех подробностей планирования и подготовки операции, особенно если речь шла о деятельности командования и штабов. Однажды после недельной работы в Подольском архиве Константин Михайлович рассказывал мне, насколько поразил его масштаб подготовительных мероприятий. Он сумел передать этот масштаб ярко и выразительно, с доскональным знанием дела, через мысли, чувства, характеры и поведение людей, а не просто прибегнул к подробному описанию событий — больших и малых, очевидцами и участниками которых довелось быть его героям при подготовке операции.

От командарма Серпилина, члена Военного совета Захарова, начальника штаба Бойко, которые оказались в центре этих событий, требуются огромное напряжение и интеллектуальные усилия, чтобы тщательно спланировать предстоящие боевые действия, максимально использовать в операции все имеющиеся силы и средства для согласования действий соединений и частей различных родов войск. Задача осложняется тем, что и на «той» стороне также идет напряженная работа с целью сорвать планы советского командования. Планирование боевых действий, несмотря на всю их важность и сложность, – это лишь начало подготовки операции. Наряду с практическими мероприятиями необходимы также огромная воля, настойчивость, титаническая организаторская работа в штабах и в войсках, чтобы добиться правильного понимания поставленных задач, организовать и подготовить войска. Этот изнурительный труд не допускал ни перерывов, ни отдыха, ни малейшего расслабления.

Эту операцию уже не мог начать по своему почину никакой даже самый выдающийся полководец; для проведения такой операции должна была работать вся страна, весь народ. Так, при подготовке Белорусской операции только в июне 1944 г. фронтам было подано более 75 тысяч вагонов с войсками, техникой, боеприпасами и другими грузами. Средний расход материальных средств на каждый километр, пройденный войсками 1-го Белорусского фронта в Висло-Одерской операции, составил по боеприпасам – 250 т, по горючему – 333 т., а в Берлинской операции соответственно – 2000 т и 1320 т. В то время не все догадывались о размерах материальных затрат, но интуитивно не могли не понимать, каких неимоверных усилий народа стоит будущая победа. Симоновский герой Серпилин комментирует: «Думаешь, только те военные, у которых погоны на плечах? Нет, военные – это все те, у кого война на плечах».

И сам Серпилин, и его подчиненные накануне Белорусской операции были отнюдь не теми, что в 1941 году. Анализируя тяжкий путь становления, они ловят себя на мысли, что в начале войны не было такого командующего или командира, который бы теоретически не понимал необходимости сосредоточения основных усилий на решающих направлениях или той же необходимости разведки и надежного огневого поражения противника. И все же нужно было пройти длительному времени, прежде чем они научились претворять положения военной теории на практике.

Самые правильные теоретические взгляды становятся материальной силой и составной частью военного искусства только тогда, когда ими овладевают не отдельные военачальники и командиры, а основная масса офицерского состава. В этом отношении весьма характерен эпизод, подмеченный Симоновым под Тарнополем: «Полковник К. произвел на меня именно такое впечатление – очень обыкновенного человека, который не отличался, мне кажется, ни большим военным талантом, ни сверхъестественной, сокрушительной силой воли. И в то же время именно он штурмовал и овладел наиболее трудным участком обороны Тарнополя. А самое главное – в этом не было ничего удивительного, и мне с самого начала, как только я попал к нему, казалось, что так оно и должно быть. Именно на таких людях сказывается общий уровень армии, в которой не все командиры высоко талантливы и непогрешимы, но которая все решительнее и спокойнее выигрывает войну» («Два письма из Тарнополя»).

О ВОИНСКОМ ВОСПИТАНИИ

Пробел в этом вопросе, наиболее распространенный в нашей литературе и исторических трудах, заключается в том, что обычно речь идет, в основном, о теоретических взглядах на различные способы ведения боя и операции до войны и во время войны. Сложный и мучительный процесс развития практической стороны военного искусства, овладения им военными кадрами не раскрывается в полной мере. В произведениях Симонова в связи с этим остро ставится вопрос о требованиях, которые предъявляются к командирам и офицерам штабов – вообще к военным руководителям. Среди героев его произведений нет исключительных личностей и героических натур. Луконин, Серпилин, Сафонов, Сабуров, Пантелеев, Синцов, Климович – обычные командиры и политработники со всеми достоинствами и недостатками, свойственными живым людям. Но отличаются они прежде всего преданностью народу, творческим подходом к решению боевых задач и самоотверженностью в своей деятельности. Его симпатии на стороне людей, глубоко знающих и любящих военное дело, отдающих всего себя без остатка военной службе. Он высоко ценит в них естественную простоту, деловитость, организаторские способности, твердость и решительность характера, принципиальность. Не может быть хорошего командира, если он ответственности за свои решения боится больше, чем противника.

По Симонову, война для кадрового офицера – это экзамен, который неизвестно когда состоится, но к которому надо готовиться всю жизнь. Ни в одной отрасли деятельности не считается достойным плохо знать и делать свое дело. Но в боевой обстановке это граничит с преступлением. Очень важно, чтобы люди верили своим командирам. Не секрет, какой подъем боевого настроения и уверенности вызывало только само появление на том или ином фронте таких полководцев, как Жуков, Рокоссовский, Черняховский и другие.

В конце романа «Солдатами не рождаются» Синцов, узнав о назначении Серпилина командующим армией, с удовлетворением подумал: «... хорошо, когда такой человек, приходит командовать армией, потому что такой человек потянет, и хорошо потянет...»

Для того, чтобы завоевать такое доверие войск и одержать победы, военачальнику и командиру на пути к этому приходится преодолевать не только сопротивление противника. Во время войны, когда создаются сложнейшие ситуации с переплетением самых различных противоречий и до предела обостряется ответственность за принятие решений и их исполнение, дело не может обходиться без столкновения мнений, стремлений и характеров. В этих условиях симоновские герои не раз попадают в положение, когда оказывается, что порой проявление обычного гражданского мужества дается труднее, чем самой отчаянной храбрости и решительности в бою.

В романе «Солдатами не рождаются» Иван Алексеевич говорит: «А вот чтобы люди никому – как бы высоко ни стоял! – не страшились давать советы, не имели нужды угадывать его мнение, чтобы эта нужда постепенно не сделалась потребностью, которая превращает даже самых хороших людей в дрянных, – вот это, как говорится, вопрос вопросов.

Конечно, это зависит от тех, кто дает советы, но гораздо больше – от того, кому дают».

В своих романах Симонов не обходит и многие другие сложные проблемы, с которыми приходится сталкиваться во время войны и которые продолжают волновать нашу военную общественность в послевоенные годы и особенно в связи с событиями в Афганистане и Чечне. Помню один спор, когда Константину Михайловичу говорили, что чрезмерный военный профессионализм не нужен в художественной литературе и что это не тот вопрос, по которому надо возбуждать общественное мнение. В ответ он ссылался на «Войну и мир» и «Севастопольские рассказы» Толстого, военному профессионализму которого может позавидовать любой писатель и сегодня. Но дело не только в этих историко-литературных аналогиях. Художественная литература, посвященная военной тематике, призвана правдиво воспроизвести многообразный труд человека на войне и процесс выработки у него тех боевых качеств, без которых невозможно одолеть врага даже самым преданным и хорошо вооруженным людям. Чудесный рассказ Евгения Носова «На орловском направлении», опубликованный в «Новом мире», еще раз убедительно показал, что эта благородная тема далеко не исчерпана, особенно с точки зрения раскрытия внутренних сил человека, позволяющих ему вынести самые неимоверные тяготы войны. А для нашей армии это всегда было и остается самой важной и трудной задачей, и в ее решении роль литературы и в целом общественного мнения чрезвычайно велика. Макаренко заметил: «Чтобы воспитать у человека мужество, надо поставить его в условия, где он мог проявить это мужество». Это относится и к другим морально-боевым качествам солдата и командира. Необходимые волевые и организаторские способности не могут появиться сами по себе или в результате одного лишь словесного пояснения их важности и значения, если их не вырабатывать изо дня в день в ходе повседневной боевой учебы и военной службы.

И чем больше усложняются боевые действия, тем труднее становится в мирное время осуществление на практике всем известного принципа – учить войска тому, что требуется на войне. И, конечно, вызывает тревогу, что современная российская армия не занимается систематической боевой подготовкой.

ТОЛЬКО ПРАВДА КО ДВОРУ

Симонов до конца стоял за правдивое освещение истории войны, исходя из того, что это правда сложная, в ней много сторон. Ее и надо писать и объяснять как сложную правду. Только тогда она будет подлинной правдой. Если твердить, что мы отошли до Волги, и не упоминать о том, что пришли в Берлин, то это не вся правда. И, создавая роман «Живые и мертвые», он полагал, что роман должен быть не итогом, а процессом познания, этапом на пути к истине.

В одном из своих выступлений в 1963 г. он говорил: «В паруса истории должен дуть только один ветер, ветер правды, другого ветра у истории нет и не будет, а все остальное – это не ветер истории, это сквозняки конъюнктуры». К сожалению, даже некоторые наши хорошие писатели под воздействием этих сквозняков заболели нигилистической болезнью.

Писатель Виктор Астафьев после войны написал ряд правдивых книг. Симонов сразу высоко оценил «Зрячий посох», вскоре два писателя встретились. Но затем Виктор Петрович, к сожалению, потерял свойственные ему когда-то жизненные и художественные ориентиры. Ему присудили Государственную премию не за его ранее написанные действительно талантливые книги о войне, а за одиозную, насквозь идеологизированную книгу «Прокляты и убиты», которая является издевательством над всем тем, за что воевал Жуков и за что ратовал Симонов. В этой книге есть что угодно, но там и близко нет какой-либо правды о войне. Поразительно, но книга «Чертова яма» не выдерживает критики прежде всего с точки зрения элементарных основ демократизма и уважения человеческого достоинства. Если даже допустить, что все командиры в запасном полку были негодными, разве это оправдывает самих солдат, в том числе будущего автора книги, если они испражняются и гадят там, где живут? Можно ненавидеть командиров, воинский порядок, но солдат должен же уважать хотя бы себя, своих товарищей и не жить по-скотски. Наконец, одернуть и привести в порядок вконец опустившегося товарища. Нет, оказывается, люди сами ничего не должны делать и ни за что не должны отвечать. Это все дело рук начальства. Что ж тут остается от человеческой самостоятельности и ответственности? Не говоря уже о том, что описанные. Астафьевым люди со скотской психологией никакой победы одержать не могли. Букеровскую премию присудили Георгию Владимову за роман «Генерал и его армия», где прославляются предатели и гитлеровские генералы. Еще более бесцеремонная и наглая попытка опошления истории войны предпринята в телефильме Синельникова «Последний миф», где выдвигается тезис о напрасности нашего участия в Великой Отечественной войне. Этот фильм получил первую премию в Нью-Йорке.

И мы всегда будем убиты (по крайней мере морально) и прокляты, если не отучимся от дурной привычки гадить вокруг себя, не оставляя чистого и светлого места ни в своем прошлом, ни в настоящем. Изображаемая отдельными писателям «правда» войны оказывается однобокой, ибо они смотрят на нее только через амбразуру «рядового», вольно или невольно противопоставляя «верхи» и «низы», как будто не одно дело они делали во время войны.

Дело здесь не только в объективности и справедливости. Такой подход искажает более сложную и действительную правду войны. Симонов тоже много пишет об особой ответственности старших начальников, но, говоря обо всем этом прямо и без прикрас, не забывает обращать внимание и на другую сторону: удача или неудача в боевой обстановке определяется не только решением и приказом командира, но и тем, как его исполняют во всех звеньях. Поэтому он всячески подчеркивает значимость труда каждого человека на войне, его персональную ответственность за защиту Родины. Сравните с этим, как преподносится по ТВ эта же тема в связи с событиями в Чечне.

Лазарь Лазарев удачу симоновского рассказа «Перед атакой» видит в том, «... что писателем была к тому времени прочувствована и осознана мысль о значительности того, что предстояло совершить солдатам, когда они идут в бой за маленькую деревню или отстаивают безымянную высоту, потому что на пути к победе и миру во что бы то ни стало должна быть взята и эта деревушка и не отдана врагу и эта высота; мысль о незаметном, но ничем и никак незаменимом ежедневном вкладе в общее дело победы над врагом «одного из тысяч» – обыкновенного солдата или офицера. И все это писателю удалось раскрыть изнутри – с более трудной задачей и темой, признается Симонов, он в войну не сталкивался».

Понимание боя и войны как явления двустороннего, необходимость трезвой оценки своих сил и противника органически присутствует у Симонова при описании всех важнейших событий. Уже в пьесе «Русские люди», написанной в начале войны, показан умный, сильный и коварный противник. И какую дешевку в этом свете преподносит нам Резун (Суворов) в книге «Самоубийство».

Бесспорно, наиболее характерным для наших людей в период войны был массовый героизм, и отображение этой подлинной правды составляет главное содержание творчества Симонова. Вместе с тем он не закрывает глаза и на то, что, к сожалению, во время войны бывали и случаи трусости и предательства. Воспитывая молодежь прежде всего на положительных примерах, нельзя забывать и о том, почему оказались возможными подобные изъяны в воспитании людей. И не все из них умышленно становились на такой путь. Может быть, некоторые из них мечтали о подвигах. Часто у таких людей просто не оказывалось той жизненной, моральной и физической закалки, без которых даже человек хороших намерений не может выстоять при серьезных военных испытаниях. Война, бой – это прежде всего тяжелый, многогранный труд, непрестижная изнурительная работа, начиная от командования, штабов и кончая рядовым летчиком, моряком, сапером, танкистом, артиллеристом или пехотинцем. Поэтому трудовое воспитание, хорошая жизненная закалка, «украшение жизни тревогами», трудной работой – важнейшие условия подготовки молодых людей к воинской службе и к жизненным испытаниям.

По-разному можно относиться к литературным достижениям творчества Симонова и удивляться существованию различных мнений по этому поводу не приходится, если Тургенев не почитал Некрасова, а Лев Толстой говорил о чеховских пьесах: «Очень плохо – хуже даже, чем у Шекспира».

Не жаловали Симонова в основном те руководители, которые после войны хотели выглядеть значительно лучше, чем это им удавалось во время войны, люди, пытавшиеся «перевоевать войну на бумаге», писатели и окололитературные щелкоперы, которых любой ветерок перегоняет с одной стороны на другую. Достаточно сказать, что книги писателя, который больше всех сделал для воспитания офицеров, почти не издавались в Воениздате. Ревниво относились к Симонову некоторые шумно знаменитые писатели. Как заметил Твардовский, в представлении одного из них Симонов – эдакий нувориш, пролаза, который де хочет служить одновременно и Богу, и кесарю.

Константин Михайлович был убежденным государственником. Он, например, остро переживал события в Венгрии в 1956 г. или в Чехословакии в 1968 г., кризисные явления в Советском Союзе, стоял за перемены, но в отличие от некоторых диссидентов он не хотел быть участником разрушения страны, чтобы потом не сокрушаться по поводу того, что с нами произошло и глупо объясняться, что «мы не этого хотели». В этом суть ответственности писателя перед обществом и смысл некрасовских слов «гражданином быть обязан». Вообще патриотизм, гражданственность, уважительное отношение к своей армии, готовность в любой момент встать в ее ряды, внимание к военной тематике – это в традиции русской литературы, заложенной еще Пушкиным.

В целом при самых разных взглядах на творчество Симонова у его книг счастливая судьба, они востребованы не одним поколением. При всех обстоятельствах то, что он говорил в прозе и поэзии «что-то свое», свойственное только ему как писателю, его заслуги в правдивом и глубоко патриотическом изображении советских людей на войне никто не может отрицать. Как всякий по-настоящему талантливый самобытный человек, он имел очень много друзей, не обходилось и без недоброжелателей. Но людей равнодушных к нему не было.

Симонов никогда не шел на сделку с совестью, и его подлинная принципиальность в таких вопросах сослужила хорошую службу нашей литературе. ■

Камень, установленный на месте, где был развеян прах Константина Симонова.

Перемежай иногда серьезный труд развлечением

СУББОТНИК НГ

ноябрь-2000

Еженедельное приложение к «Независимой газете»
Ответственный редактор: Александр Щуплов

Над номером работали:
Елена Семашко, Татьяна Кравченко (ТВ), Мария Безбородова (ТВ), Виктор Карякин
Корректура:
Нина Гайдукова, Светлана Игнатова
Компьютерная верстка:
Татьяна Васильева, Татьяна Тулупова, Оксана Куракина, Сергей Курышев, Надежда Романова, Марина Спирина
Иллюстрации:
Татьяна Духовская
Телефон редакции
925-16-34
E-mail: ovd@ng.ru
©«Независимая газета»
©«Субботник НГ»